

Анна Шилд
Ада Огнева

КАПКАН
НА МИЛЛИОН
ОТ БОССА

18+

**Ада Огнева
Анна Шилд**

Капкан на миллион от босса

<https://litres.ru/74515492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Владислава Соколова больше не собирается терпеть опеку Константина Барина. Он старше, властнее и слишком хорошо умеет прятать желание за холодным контролем. После опасной встречи в клубе Константин окончательно берёт её под защиту — только его правила теснее любой клетки. Влада намерена отстаивать свободу, а не благодарить за каждый новый запрет. Но рядом с этим мужчиной даже злиться становится непросто. За роскошными фасадами затягивается чужая ловушка, и вскоре ей придётся довериться тому, от чьей власти она так отчаянно пыталась избавиться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	52
Глава 7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Анна Шилд Капкан на миллион от босса

Капкан на миллион от босса

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Тяжелые волны инфразвуковых частот дробили диафрагму, прошивая тело насквозь через тонкие кожаные подошвы серебристых босоножек на десятисантиметровых металлических шпильках. Стекло многослойного пола VIP-террасы второго яруса мелко вибрировало в такт разрывающим темноту басам. Внизу, в огромной чаше танцпола ночного клуба «Neon Ray», колыхалось сплошное море разгоряченных, полуобнаженных тел, рассекаемое хлесткими, режущими сетчатку лезвиями ультрамариновых лазеров, вспышками стробоскопов и клубами сценического пара. В сухом кондиционированном воздухе висела плотная смесь из паров электронных испарителей, дорогого винтажного шампанского «Dom Pérignon», горьковатого табачного дыма и женских селективных духов.

Владислава стояла у самого края прозрачного парапета, запрокинув голову так, что водопад густых темно-каштановых волос с глубоким медным отливом рассыпался по ее обнаженным лопаткам. Тонкие пальцы с молочным лаком сжимали хрупкую ножку хрустального бокала, по запотевшим граням которого лениво сползали мутные капли конденсата.

На ней было надето серебристое платье-кольчуга из тончайшей металлической сетки — ее авторская работа, сшитая по ночам в швейных мастерских академии дизайна. Оно

весило меньше двухсот граммов, струилось по телу жидкой ртутью и доходило лишь до середины бедра. Тончайшие бретели едва удерживали полотно на острых ключицах, ткань холодила горячую кожу груди, а глубокий вырез на спине опускался до самого поясничного прогиба, выставляя напоказ бархатистую девичью кожу.

Каждое ее движение, каждый плавный поворот стройных бедер в ритм пульсирующего трека был открытым вызовом. Но вызовом не этой пьяной столичной публике за столами из белой кожи.

Сквозь полуопущенные ресницы, делая вид, что растворилась в танце, Влада неотрывно держала в поле зрения проход к выходу из VIP-сектора. Там, у гранитной колонны, в тени массивного фикуса, застыла высокая широкоплечая фигура в строгом темно-сером костюме. Из-под накрахмаленного воротника тянулся тонкий витой шнурок наушника скрытой связи.

Один из псов Константина. Личная тень ее гранитного опекуна.

Влада прекрасно знала эту породу людей: бывшие офицеры спецподразделений, вышколенные, не знающие усталости и сомнений. Они сопровождали ее везде последние четыре года, с того самого черного ноябрьского утра, когда на заснеженном Ваганьковском кладбище опускали в мерзлую землю цинковый гроб ее отца. Константин Баринов стоял тогда у могилы без шапки, в расстегнутом черном пальто,

не обращая внимания на хлещущую в лицо ледяную крупу. Его ладонь, горячая и тяжелая, лежала на ее шестнадцатилетнем плече, словно гранитная плита. «Я никому не дам тебя в обиду, Владислава. Слово офицера», — сказал он тогда негромко. И сдержал обещание: ни один из кредиторов отца, ни один из алчных партнеров по строительному холдингу не посмел даже приблизиться к осиротевшей девочке.

В груди Влады все сжималось в тугой, сладкий и одновременно яростный узел, мешавший сделать полный вдох. Четыре года. Четыре бесконечных года Константин Барinov держал ее на ледяной дистанции вытянутой руки. Он прикрывался последней волей ее покойного отца, отчетами аудиторов и непогрешимой маской строгого, недостижимого ментора. Формальная опека закончилась в ее восемнадцать лет, но до двадцати одного он оставался управляющим отцовского траста; привычка командовать пережила документы. Он оплачивал ее обучение на факультете интерьерного дизайна, покупал лучшие в Европе масляные краски и натуральные беличьи кисти, молча утверждал сметы — и ни разу, ни единым жестом не позволил себе перейти черту дозволенного.

Его серые глаза при их редких протокольных обедах в «Метрополе» всегда оставались кусками полированного розового гранита. Но Влада видела. Она помнила каждую деталь: как бешено вздувались желваки на его квадратной челюсти, когда она однажды появилась в холле его офиса в ко-

роткой юбке; как сбивалось его дыхание, когда она наклонялась, чтобы чмокнуть опекуна в колючую щеку; как его огромные горячие ладони стискивали подлокотники кресел, удерживая зверя внутри стальной клетки самоконтроля.

Ему было тридцать девять. Ей исполнилось двадцать. Он сторал от запретного желания, убивая самого себя собственным армейским кодексом чести. А она больше не желала оставаться послушной сиротой в строгом платье. Она хотела пробить эту броню.

— Соколова, ты сегодня просто на разрыв аорты, — раздался прямо за спиной хриплый, маслянистый голос, густо пахнущий сухим джином и приторным сиропом.

Влада не успела отшатнуться. Тяжелая мужская ладонь без церемоний легла ей на голую поясницу, беспардонно скользнув вниз по бедру и сминая металлическую ткань платья.

Макар Летов. Двадцатитрехлетний сын первого вице-губернатора, постоянный герой скандальной столичной хроники, привыкший к тому, что в этом городе любые двери покупаются отцовской подписью. На нем был расстегнутый шелковый бомбер «Saint Laurent», на запястье тускло поблескивали золотые «Rolex Daytona», а в мутных зрачках плескалась пьяная, безнаказанная похоть.

Влада резко повела плечом, с яростной брезгливостью сбрасывая его руку:

— Убери руки, Летов. Я сказала тебе еще сорок минут

назад: я здесь не для тебя и танцую одна.

Макар криво осклабился, обнажив виниры. За соседним столиком громко заржали трое его приятелей с бокалами виски. Отступать перед своей свитой Летов не собирался ни при каких обстоятельствах:

— Да брось ты ломаться, Соколова! — он шагнул вплотную, обдавая ее шею горячим алкогольным дыханием. Его пальцы стальным браслетом вцепились в ее тонкое запястье, грубо выворачивая руку. — Потанцевала — и хорош. Мой «Гелик» стоит у парадного входа. Поехали ко мне в сити. Хватит строить из себя невинную монашку. Твой папаша Со-

колов четыре года как в могиле, а твой старик-опекун Баринов просто ждет, пока тебе стукнет двадцать один, чтобы слить твой трастовый фонд за долги. Со мной тебе будет веселее, крошка. Мой старик сейчас решает вопрос по новым участкам Баринава, так что твой Константин и слова не вякнет. Пошли, говорю!

Он с силой дернул ее на себя. Влада покачнулась, шпилька скользнула по гладкому стеклу пола, и спина девушки ударилась о край кожаного дивана. Летов навалился сверху, обхватив ее за талию свободной рукой и пытаясь силой впиться слюнявыми губами в ее рот.

Влада не стала звать на помощь. Семейная ярость Соколовых выжгла страх мгновенно.

Ее свободная левая рука, в которой она все еще сжимала хрустальный бокал, резко взметнулась вверх.

Хлестким, безжалостным движением она плеснула ледяной красно-оранжевый коктейль со взбитым льдом прямо в лоснящуюся физиономию мажора.

Жидкость залила Летову глаза, ноздри и шелковую футболку. Макар захлебнулся, дико взвыл и отшатнулся, судорожно размазывая липкую жижу по лицу рукавом бомбера: — Ах ты, сука мелкая!.. Тварь!..

Его лицо побагровело от бешенства. Забыв обо всем, парень сжал кулак и с перекошенной челюстью замахнулся, намереваясь наотмашь сбить девушку с ног.

Влада не зажмурилась. Она гордо вскинула подбородок,

сжав зубы и глядя прямо на летящий кулак.

И в эту секунду клуб перестал существовать.

Музыка оборвалась оглушительным мертвым хлопком, словно высоковольтный кабель перерубили гигантской гильотиной. Сабвуферы захлебнулись и замолчали. На нижнем танцполе поднялся испуганный гул сотен людей. Лазеры погасли, а аварийные софиты VIP-зоны вспыхнули ровным белым светом.

Охранники у входа в ложу застыли по стойке смирно. Двое клубных вышибал буквально вжались в стены.

Из полумрака коридора шагнул человек.

Константин Баринов.

Каждое его движение несло в себе такую сокрушительную мощь, что воздух вокруг него казался физически плотнее. Рост метр девяносто два. Монументальный разворот плеч в безупречном черном костюме-тройке «Brioni». Тяжелое распахнутое пальто «Logo Piana» развевалось при размеренном шаге. Ворот белоснежной сорочки был расстегнут, открывая мощную шею с кадыком и темной щетиной.

Но самым страшным было его лицо. Гранитная челюсть застыла каменным монолитом, на скулах ходили ходуном желваки, а серые глаза цвета грозового свинца источали абсолютный холод.

Запах морозного воздуха, горького кубинского табака, черного перца и кедра в одну секунду выжег из ложи все следы клубного угара.

Летов, утирая липкий сок с подбородка, опустил кулак и устоялся на приближающегося гиганта:

— Слышь, дядя... ты кто такой вообще нарисовался?! Пошел вон отсюда, пока я охрану не...

Баринов не проронил ни звука. Один длинный, пружинистый шаг вперед.

Огромная, жилистая правая ладонь Константина с широкими костяшками метнулась вперед без замаха, с неумолимой скоростью гидравлического захвата.

Стальные пальцы Баринова сомкнулись прямо на горле Летова.

Летов судорожно втянул воздух, и вдох оборвался сипением. Макар не успел издать звука — его рот раскрылся в беззвучном спазме. Константин с пугающей легкостью, словно поднимал пустой полиэтиленовый пакет, оторвал парня от пола одной рукой.

Одним слитным движением Баринов шагнул к стене и с грохотом впечатал Летова затылком и лопатками в зеркальное панно ложи.

Двухсантиметровое зеркало разлетелось вдребезги. Во все стороны брызнули осколки, по стене с сухим треском побежала паутина глубоких разломов. Осколки дождем посыпались на диван и ковер.

Ноги мажора беспомощно сучили в воздухе в полуметре от пола. Его пальцы судорожно царапали стальное запястье Баринова. Лицо Летова на глазах чернело, наливаясь смер-

тельной синевой.

Баринов медленно наклонился к его уху. Его голос прозвучал удивительно тихо — густым утробным шепотом, от которого звенели уцелевшие стекла:

— Ты посмел коснуться ее своими немытыми лапами, па-
даль.

Летов издал сиплый, пузырящийся хрип.

— Запомни эту ночь, — продолжал Баринов, и каждое слово падало свинцовой плитой. — Если твое гнилое дыха-
ние коснется ее ближе чем на сотню метров... Если твой по-
хотливый взгляд упадет в ее сторону хоть на долю секунды...
Твой отец завтра в девять утра положит на стол рапорт об
отставке, а к обеду спецназ выломает двери вашей виллы. Вы
пойдете по этапу. А тебя лично я закопаю в безымянной ка-
наве. Ты усек меня, щенок?

Летов отчаянно закивал остатками сознания, закатывая
белки глаз.

Баринов брезгливо разжал пальцы.

Тело мажора бесформенной грудой рухнуло на пол, пря-
мо на битое стекло и разлитый алкоголь. Парень скорчился
эмбрионом, царапая горло, надрывно хрипя со слюной. Его
друзья сидели бледнее мела, боясь шевельнуться.

Баринов даже не взглянул под ноги. Он медленно повер-
нулся к застывшей у парапета Владе.

Она поставила пустой бокал на край диванного столи-
ка. Девушка стояла, прижав тонкие ладони к ключицам. Ее

грудь ходила ходуном, в янтарных глазах стояли слезы адреналина, но взгляд оставался прямым.

Глаза Барина скользя по ее фигуре. Он впился взглядом в ее обнаженные плечи, вызывающий вырез металлического платья, тонкую талию и открытые длинные ноги. В глубине его свинцовых зрачков полыхнул такой первобытный огонь собственнической ярости, что у Влады перехватило дыхание.

Резким движением Константин сорвал со своих широких плеч тяжелое пальто из кашемира.

Один взмах — и плотная горячая ткань обрушилась на плечи Влады, спрятав ее серебристое платье целиком, от шеи до щиколоток. Девушку накрыло волной его запаха: горький кубинский табак, морозная хвоя и раскаленное мужское тело.

Прежде чем она успела произнести хоть слово, тяжелая ладонь Барина сомкнулась на ее обнаженном локте, словно железный замок:

— На выход, Владислава. Немедленно.

И, не слушая возражений, он потащил ее за собой сквозь замерший в оцепенении зал к служебному выходу.

Глава 2

Тяжелая задняя дверь бронированного «Mercedes-Maybach S680 Guard» захлопнулась с глухим щелчком, похожим на звук закрытия банковского сейфа.

В то же мгновение весь мир снаружи перестал существовать. Смолкли вой сирен приближающихся патрульных экипажей, крики зевак на Краснопресненской набережной и свист холодного ветра с Москвы-реки. В просторном пассажирском отсеке воцарился абсолютный, давящий вакуум.

Шофер в темной фуражке уловил едва заметный кивок хозяина в зеркале и нажал клавишу на сенсорной консоли. Толстое бронестекло перегородки плавно поползло вверх, с тихим шелестом скрывшись в потолочном пазе и герметично отрезав переднюю часть салона.

Влада сидела в широком капитанском кресле из матовой черной кожи Narpa. Контурная подсветка заливала салон мягким янтарным сиянием, играя теплыми бликами на лакированных панелях из мореного ясеня. Но этот роскошный уют не приносил успокоения. Напротив, адреналиновый шторм, бушевавший в крови девушки после побоища в клубе, требовал немедленного выхода.

С яростным шипением Влада рванула полы тяжелого кашемирового пальто, сбрасывая его с плеч на кожаный диван между их креслами.

Серебристая кольчуга микро-платья вновь вспыхнула под светодиодами ртутным блеском. Ее обнаженная грудь тяжело вздымалась, ключицы горели пятнами адреналина, а кулаки были сжаты до белизны:

— Какое право ты имел?! — ее звонкий голос прорезал тишину салона ударом кнута. — Какое право ты имел устраивать эту расправу на глазах у половины Москвы?! Ты едва не сломал ему шею, Баринов! Ты швырнул его в зеркальную стену, как дохлую кошку! Ты понимаешь, что завтра об этом будут гудеть все городские каналы?!

Константин сидел напротив нее, слегка откинувшись на высокую спинку кресла и вытянув длинные мускулистые ноги в начищенных оксфордах. Он даже бровью не повел в ответ на ее яростный крик.

Пока Влада ждала ответа, он достал из внутреннего кармана пиджака тонкую темную сигариллу «Cohiba». Она осеклась: он собирался заставить ее ждать. Золотой корпус зажигалки «Dupont» щелкнул с металлическим звоном. Огонек на секунду выхватил из полумрака его лицо: резкие скулы, след боевого шрама через бровь, глубокие тени в глазницах и трехдневную щетину, придавшую ему вид безжалостного кондотьера.

Баринов не спеша раскурил табак. Сизый дым потянулся к потолочной вытяжке.

Лишь после этого он поднял свои грозовые серые глаза на Владу.

Его взгляд был тяжелым, раздевающим и мучительно неспешным. Он скользнул по ее тонким щиколоткам, поднялся вдоль обнаженных бедер, задержался на опасной кромке серебристого подола, едва прикрывавшей тело, прошелся по осиной талии и пригвоздил ее к месту, остановившись на влажных, припухших от гнева губах:

— Ты надела эти три квадратных дециметра металлической проволоки, чтобы станцевать перед сопливым сыном вице-губернатора? — спросил он, задержав сигариллу над пепельницей. Влада уже открыла рот, но он продолжил: —

Или ты напаялила это убожество, Владислава, исключительно для того, чтобы доказать мне свою независимость?

— Я надела это, потому что это мое платье! Мое тело! И моя жизнь! — выкрикнула Влада, подаваясь вперед всем корпусом и вцепляясь пальцами в край кожаного подлокотника. В ее янтарно-карих глазах полыхнули золотые искры нестигаемой гордости Соколовых. — Мне двадцать лет, Константин! Слышишь меня?! Двадцать! Я не ребенок, которого ты гладил по голове на похоронах отца! Я не твоя карманная кукла! Я имею право ходить в клубы, носить то, что подчеркивает мою фигуру, и спать с теми, с кем захочу!

Она сделала короткий судорожный вдох, чувствуя, как мелкая дрожь сотрясает все ее тело от пяток до кончиков ресниц. В памяти вспыхнул его последний визит в кампус академии три месяца назад: строгий черный седан у чугунных ворот, Баринов в строгом костюме у капота, передающий ей документы на стипендию. Она помнила, как он тогда скользнул взглядом по ее расстегнутому пальто, как замерли его зрачки и как он резко оборвал разговор на полуслове, словно боясь выдать себя. Все, что она прятала от него последние полгода, вырвалось наружу:

— Но тебя ведь бесит вовсе не Летов, правда? Тебя бесит то, что ты больше не можешь прятаться за своими отчетами и врать самому себе! Ты боишься меня, Баринов! Великий инвестор, хозяин заводов и небоскребов — ты обычный трус! Ты боишься посмотреть на меня как мужчина!

Слова упали в тишину салона тяжелыми гранатами.

Дым сигариллы замер неподвижным кольцом. Желваки на челюсти Баринаова побелели от страшного напряжения.

В следующую долю секунды сигарилла со слепой силой была раздавлена в хрустальной пепельнице на центральной консоли.

Баринов сорвался с места.

Влада даже не успела издать вздоха. Огромная масса ли-
тых мышц надвинулась на нее в доли секунды. Константин
опустился на одно колено между креслами, полностью пере-
крывая ей обзор, воздух и свет. Его гигантские плечи засло-
нили собой весь мир.

Влада в панике дернулась назад, но ее лопатки с силой
вжались в глухую спинку капитанского кресла. Отступить
было некуда.

Баринов с глухим стуком уперся тяжелыми кулаками в ко-
жаную обивку кресла по обе стороны от ее головы, нависая
над ней всей своей двухметровой громадой. Расстояние меж-
ду их лицами сократилось до двух сантиметров.

Владу накрыло раскаленным, звериным жаром его тела.
Она видела каждую черту на его обветренном лице, серебря-
ные нити в смоляной щетине, чувствовала терпкий дурман
кедровой смолы, трубочного табака, жгучего черного перца
и первобытной мужской ярости.

— Ты хочешь, чтобы я посмотрел на тебя как мужчина? —
его голос завибрировал на таких запредельно низких обер-

тонах, что у Влады свело низ живота острой сладкой судорогой. — Ты этого добивалась, маленькая бунтарка? Ты крутила бедрами перед пьяным стадом, чтобы сорвать меня с цепи?

Его правая рука оторвалась от спинки сиденья. Широкая, горячая, шершавая ладонь легла ей прямо на шею. Он не сжимал пальцы, но прижимал их к нежной коже так плотно, что подушечки чувствовали бешеный ритм ее пульса в сонной артерии.

Затем ладонь плавно скользнула вверх. Жесткие пальцы обхватили ее острый подбородок, властно запрокидывая ее лицо навстречу его лицу.

Влада судорожно всхлипнула, утопая в его глазах. Серые зрачки Барина расширились, став черными безднами. В них горело голодное пламя хищника, который слишком долго морил себя голодом во имя чужой клятвы.

— Твой отец умирал у меня на руках на обледенелом Минском шоссе, Владислава, — прошептал Константин ей прямо в губы, и его обжигающее дыхание опалило ее рот. — Его машина приняла удар фуры, предназначавшийся мне. И пока он истекал кровью на моих коленях, он взял с меня нерушимую клятву: сохранить тебя. Защитить от волков, которые разорвали бы его активы и пустили тебя по рукам. Я держал эту клятву четыре года. Я превратил себя в кусок гранита, запрещая себе даже думать о тебе как о женщине! А ты решила поиграть с огнем? Ты сама лезешь зверю в пасть,

девочка. Ты даже не представляешь, сколько костей перемололи эти челюсти.

Его большой палец оторвался от подбородка.

Медленно, с давящей чувственностью он провел подушечкой по ее нижней пухлой губе.

Кожа его пальца была жесткой, шершавой от оружия, пахнувшей табаком. Он слегка оттянул ее губу вниз, обнажая влажный край ровных зубов.

Владу прошло электрическим током колоссальной силы от затылка до кончиков пальцев ног. По позвоночнику прокатилась горячая лава, колени ослабли, а дыхание перехватило так, будто в легких вспыхнул сухой порох. Она не смогла сдержать тихого сдавленного стона, сорвавшегося с ее губ прямо в его приоткрытый рот.

Баринов замер. Мышцы его шеи одеревенели. Его взгляд приковался к ее трепещущим губам. На секунду показалось, что плотина рухнет прямо здесь, на заднем сиденье лимузина — он сомнет ее в объятиях и разорвет кольчугу платья в клочья.

Но стальная воля титана победила и на этот раз.

Константин медленно убрал руку от ее лица, хотя его пальцы еще секунду жгли ее кожу перед тем, как опуститься.

— Студенческая вольница окончена, Соколова, — произнес он с металлом безапелляционного диктата. — Никаких ночных клубов. Никаких сомнительных дружков. Никаких звонков мажорам. С этой секунды твоя жизнь, твой распоря-

док дня и каждый твой вздох принадлежат мне. Ты будешь жить там, где я прикажу, и делать ровно то, что я скажу. До последней секунды, пока я несу за тебя ответ перед памятью твоего отца.

Глава 3

Лимузин плавно качнулся на пневмоподушках, закладывая вираж. Сквозь тонированное стекло блеснули исполинские опоры башни «Skyline», вонзающейся шпилем в тучи.

Баринов поднялся с колена и вернулся на свое кресло. Перед остановкой он снова набросил ей на плечи пальто:

— Приехали. На выход.

Приватный скоростной лифт с отделкой из темного хрома преодолел шестьдесят пять этажей менее чем за сорок секунд. У Влады болезненно заложило уши от резкого перепада давления. В зеркальных панелях она видела свое отражение: растрепанные медные локоны, пылающие скулы, потемневшие янтарные глаза и тяжелое мужское пальто, закрывающее фигуру до пола. Рядом возвышался Баринов — невозмутимый, каменный, устремивший тяжелый взгляд в табло этажей.

Бесшумный щелчок пневматики. Створки разъехались в стороны.

Лифт открывался прямо в грандиозный холл двухуровневого пентхауса Константина Баринова.

Масштаб пространства буквально подавлял волю. Семиметровые потолки, полы из цельных плит белого каррарского мрамора с графитовыми прожилками, отражающие свет скрытых потолочных галерей. Минималистичная мебель из

черной матовой кожи, парящая консольная лестница из закаленного стекла на второй ярус. А за гигантскими панорамными окнами во всю тридцатиметровую стену расстилалась ночная Москва с высоты двухсот восьмидесяти метров — бескрайний ковер из золотых и сапфировых огней.

Как только железная хватка Барина ослабла на ее локте при выходе из кабины, Влада среагировала мгновенно.

Собрав в кулак все силы, она резко развернулась и бросилась к массивным двустворчатым дверям парадного выхода:

— Я не останусь здесь! Слышишь меня, Баринов?! Я не твоя пленница! Я возвращаюсь в общежитие прямо сейчас!

Она подлетела к стальной створке и со всего размаха прижала ладонь к сенсорной панели биометрического замка.

Замок издал резкий предупреждающий зуммер. Светодиодный индикатор вспыхнул зловещим алым светом: «Отказ доступа. Требуется авторизация владельца системы».

Влада в отчаянии рванула хромированную ручку, но сталь даже не шелохнулась, оставаясь глухой, как вход в бункер.

— Дверь блокируется центральным сервером автоматически при каждом подъеме лифта на этаж, Владислава Викторовна, — раздался из глубины полутемного коридора спокойный мужской голос.

Влада резко обернулась, тяжело дыша и прижимаясь спиной к холодному металлу двери.

Из галереи левого крыла размеренным военным шагом выходил Григорий Ильич Сомов. Начальник службы безопасности Баринаова, отставной полковник контрразведки, выглядел безупречно: строгий темный костюм-двойка без

единой пылинки, выбритые впалые щеки, седые волосы и неизменный кожаный планшет под мышкой.

Сомов остановился перед хозяином, сдержанно склонив голову:

— Константин Викторович. Машина группы быстрого реагирования вернулась из клуба. Вопрос с гражданином Летовым полностью закрыт. Все серверы видеонаблюдения службы безопасности клуба «Neon Ray» изъяты нашими специалистами и уничтожены термическим способом. Владельцы заведения предупреждены о недопустимости любых утечек в прессу.

Затем Сомов повернулся к девушке, и в его суровом взгляде промелькнула сдержанная отеческая грусть:

— Здравствуйте, Владислава Викторовна. Ваша комната на втором уровне, в восточном секторе пентхауса, полностью подготовлена к заселению. Климатический контроль выставлен на комфортные двадцать два градуса, белье застелено. Все ваши личные вещи доставлены из студенческого городка. Коробки с одеждой пока опечатаны; мольберты и эскизы уже в вашей комнате.

Влада замерла. Вся кровь в одно мгновение отхлынула от ее лица, оставив смертельную бледность. Ее пальцы бессильно соскользнули с ручки двери:

— Что... Что вы только что сказали?! Мои вещи?! Вы... вы посмели вломиться в мою комнату в общежитии?!

Она перевела пылающий яростью взгляд на Барина, ко-

торый подошел к барной стойке из черного кварцита:

— Вы провели обыск в моей комнате?! Дядя Гриша, вы с ума сошли?! Вы же знали моего отца с юности! Вы двадцать лет дружили! Как вы могли позволить этому... тирану так поступить со мной?!

Сомов даже глазом не моргнул. Его армейская выправка осталась непоколебимой:

— Именно потому, что я двадцать лет прикрывал спину Виктору Сергеевичу и поклялся беречь его семью, я беспрекословно выполняю приказы Константина Викторовича. Ваш покойный отец доверил вашу безопасность лично ему. Два с половиной часа назад администрация академии закрыла ваш пропуск по распоряжению Константина Викторовича. Договор найма юристы будут разбирать утром. Комендант принял комнату по акту. Ключи сданы в архив. Все ваши мольберты, натянутые холсты, коробки с красками, эскизы, учебники и личный гардероб перевезены в этот пентхаус. Общежитие для вас закрыто. Навсегда.

Влада помнила Сомова с самого раннего детства: именно Григорий Ильич учил ее семилетнюю кататься на пони в подмосковном поместье отца, именно он привозил ей коробки с немецкими красками, когда Виктор Соколов задерживался на министерских коллегиях. Видеть его здесь, в роли безжалостного исполнителя чужой железной воли, было невыносимо больно.

Слова Сомова падали, как удары тяжелого молота. Тот

хрупкий мир независимости, который Влада выстраивала последние два года — где она сама варила кофе на кухне, спорила с однокурсниками и чувствовала себя свободной, — был стерт в пыль одним росчерком пера ее опекуна.

Баринов тем временем снял пиджак, бросив его на спинку дивана, и остался в темно-синем шелковом жилете и белоснежной рубашке.

Он расстегнул серебряные запонки, положил их на кварцитовую стойку и закатал рукава сорочки до локтей. На его мускулистых предплечьях натянулись канаты жил, а у локтя белел застарелый шрам от пули.

Константин провел пальцем под уже расстегнутым воротом сорочки.

Взяв граненый тумблер из хрусталя, он плеснул на дно янтарного скотча тридцатилетней выдержки. Сделал медленный глоток и повернулся к Владе:

— Твой дом теперь здесь, Владислава. Твоя спальня находится на втором уровне, ровно напротив дверей моего кабинета. Занятия в академии ты продолжишь — диплом защитишь в срок. Но каждое утро ровно в восемь ноль-ноль Сомов будет лично сажать тебя в машину и доставлять в аудиторию. В пятнадцать ноль-ноль он будет забирать тебя обратно. Никаких самостоятельных прогулок, никаких выставок без согласования, никаких посиделок в кофейнях. Любое перемещение за пределами этой башни — только с моего личного письменного разрешения и под круглосуточным

конвоем охраны.

Влада стиснула кулаки так, что побелели пальцы. Ее колотило крупной дрожью:

— Ты думаешь, раз у тебя миллиарды, ты можешь купить все на свете?! Думаешь, можешь запереть меня в эту стеклянную клетку и дергать за веревочки, как марионетку?! Я не твоя дочь! И я никогда не буду твоей собственностью! Я ненавижу тебя, Константин! Слышишь меня?! Ненавижу каждую черту твоего надменного каменного лица! Я превращу твою жизнь в ад! Я сбегу отсюда при первой же возможности!

Константин медленно опустил хрустальный бокал на стойку. Звук удара стекла о полированный камень прозвучал сухо и отчетливо, как щелчок взводимого оружейного затвора.

Он обошел стойку и в три неторопливых шага приблизился к девушке.

Баринов остановился вплотную, глядя на нее сверху вниз со своей огромной высоты. В его грозových серых глазах застыла сытая насмешка опытного хищника, наблюдающего за отчаянными трепыханиями пойманной птицы.

Уголок его четко очерченных губ дрогнул в едва заметной полуулыбке:

— Ненавидь сколько угодно, Соколова. Бей фарфор, сыпь проклятиями, объявляй бунт. У тебя впереди масса свободного времени, чтобы выплеснуть весь свой девичий пыл. Но

делать это ты будешь здесь. Под моей крышей. И на моих глазах.

Он слегка наклонил голову, указав взглядом на парящую стеклянную лестницу:

— А теперь — марш наверх. Твоя комната справа по коридору. Мне нужно работать.

Влада шумно втянула носом воздух, обожгла его взглядом, полным слез и бешенства, подобрала полы тяжелого пальто и быстро взбежала по ступеням на второй ярус.

Глава 4

Массивная дверь гостевой спальни захлопнулась за ее спиной с тихим герметичным щелчком.

Влада прижалась спиной к глухому дверному полотну из мореного дуба, закрыла лицо руками и медленно сползла вниз, пока ее колени не утонули в мягком ворсе светлого ковра.

Только сейчас, оставшись в одиночестве в четырех стенах этой роскошной ловушки, она позволила себе сломаться. Горячие злые слезы хлынули из глаз неудержимым потоком. Ее плечи затряслись в беззвучных рыданиях.

Она сбросила босоножки, подтянула босые ноги под себя. Следы ремешков горели на коже. Внизу Сомов еще докладывал о ее вещах — тем же деловым голосом, каким прежде поздравлял ее с поступлением. Влада зажала уши ладонями.

Влада вытерла глаза тыльной стороной ладони и осмотрелась.

Комната была огромной — не менее восьмидесяти квадратных метров. В центре высилась кровать «king-size» с высоким изголовьем из светлой замши и постельным бельем цвета слоновой кости. Вдоль стены тянулся туалетный столик из белого мрамора с овальным зеркалом. За матовыми раздвижными панелями угадывалась гардеробная, откуда слабо пахло кедром и новой кожей. А за панорамным стек-

лом во всю стену безмолвно плыли осенние тучи, подсвеченные заревом ночных магистралей.

В дальнем углу сиротливо стояли два ее любимых деревянных мольберта, перевязанные бечевкой, этюдники и стопка папок с эскизами. Сомов вывез абсолютно все, не оставив за ее спиной даже воспоминания о прежней жизни.

И в этот миг острая спасительная мысль пронзила ее сознание:

Телефон!

Влада лихорадочно распахнула серебристый клатч, который все это время сжимала в руках под полой пальто. Ее пальцы нащупали прохладный корпус личного «iPhone 15 Pro» в розовом чехле.

Экран вспыхнул белым светом, отражаясь в ее расширенных зрачках. Время: 01:34. Еще три часа назад они с Аленой сидели на подоконнике в общежитии, пили яблочный сок, спорили о цветовых палитрах для дипломной защиты и смеялись над первокурсниками. Алена лично помогала ей застегивать это серебристое платье, шутливо восхищаясь ее фигурой и подбадривая перед походом в клуб. «Ты должна жить, Влада! Хватит хоронить себя в эскизах!» — говорила подруга. И вот теперь та жизнь рассыпалась в прах.

Экран телефона показывал семь пропущенных вызовов от старосты группы, сообщения в студенческих чатах и звонок от куратора выставки.

«Дыши, Влада. Главное — не паниковать. Баринов всеси-

лен, но законы в этой стране еще существуют», — зашептала она пересохшими губами, поднимаясь с ковра на ватных ногах.

Она подбежала к столику и дрожащими пальцами начала сточить сообщение своей лучшей подруге Алене:

«Алена, срочно SOS! Это не шутка! Баринов выкрал меня из клуба прямо после драки, силой привез к себе в башню Skyline на 65 этаж! Мою комнату в общежитии вскрыли, договор расторгли, вещи вывезли! Я заперта в пентхаусе, двери заблокированы биометрией! Срочно звони юристам, звони в полицию, он сошел с у...»

Она не успела дописать последнее слово и коснуться кружка отправки.

В тишине спальни раздался тонкий писк замка.

Тяжелая дверь распахнулась без малейшего предупреждения.

Влада вскрикнула и резко развернулась, пряча телефон за спину и вжимаясь поясницей в кромку мраморного столика.

На пороге стоял Константин Баринов.

Он снял жилет. Белоснежная сорочка была расстегнута на три пуговицы, открывая рельефные ключицы и мощную грудь с темными завитками волос. Рукава были небрежно закатаны до предплечий. В пальцах правой руки он лениво крутил золотистую пластиковую карту универсального мастер-ключа.

Его серые глаза моментально зафиксировали ее загнанную позу и мерцание экрана за ее спиной:

— Кому строчишь доносы, птичка? — его голос прозвучал обманчиво мягко, с насмешливой хрипотцой сытого зверя.

— Вон! — выкрикнула Влада, вскидывая подбородок. Голос предательски дрожал, но она вложила в него всю свою гордость. — Пошел вон из моей спальни! Ты не имеешь права вламываться сюда посреди ночи! Это моя личная комната! Моя частная территория!

Баринов даже не ответил.

Он сделал два длинных шага. Пространство спальни растаяло между ними в долю секунды.

Влада дернулась вправо, пытаясь выскользнуть к панорамному окну, но Константин среагировал мгновенно. Его левая рука легла ей на талию, блокируя движение и несокрушимо прижимая девушку спиной обратно к мраморной столешнице.

— Ты слишком быстро забываешь, где находишься, Владислава, — его губы оказались у самого ее виска, обдавая нежную кожу запахом виски и мяты. — В этом доме нет ничего твоего. Здесь все — мое. До последнего миллиметра мрамора и воздуха.

Его правая рука плавно скользнула за ее спину. Сильные пальцы безошибочно нащупали ее тонкое запястье, сжимающее корпус телефона.

Влада отчаянно забилась в его руках, пытаясь вырвать руку и со всей силы упираясь свободной ладонью в его каменную грудь:

— Отпусти! Пусти, чудовище! Не смей трогать мой телефон! Ты не имеешь права!

Баринов даже не напрягся. Его пальцы слегка надавили на нервный узел чуть выше лучезапястного сустава. Руку Влады моментально прошило онемелостью, пальцы сами собой разжались, и розовый аппарат со стуком выпал на мрамор туалетного столика.

Влада замерла, тяжело и часто хватая ртом воздух. Расстояние между их лицами составляло меньше десяти сантиметров. Она физически ощущала, как его мощное бедро сквозь ткань брюк прижимает ее обнаженные ноги к основанию стола. Его дыхание опаляло ее губы, а в глубине зрачков закручивался темный опасный омут, от которого у нее сладко кружилась голова.

Баринов взял телефон со стола.

Он мельком скользнул взглядом по экрану, на котором все еще светился текст сообщения подруге. На его губах появилась холодная, снисходительная усмешка:

— «Звони юристам, звони в полицию»? Серьезно, Соколова?

Он неторопливо повернул экран к ее лицу:

— Начальник ГУВД Москвы — мой сослуживец по контртеррористической операции на Кавказе. Прокурор города крестил моих племянников. Председатель арбитражного суда трижды в неделю играет со мной в теннис в «Олимпе». Ты действительно думаешь, что твоя подружка спасет тебя звонком в дежурную часть?

— Ты маньяк, Баринов, — прошептала Влада побелевши-

ми губами, не опуская взгляда. — Настоящий псих с манией контроля.

— Возможно, — согласился он и повернул телефон экраном вниз. Влада потянулась за ним; он поднял руку выше.

Не отводя взгляда от ее глаз, Константин разжал пальцы.

Смартфон соскользнул с его ладони и упал на мраморный пол у его ног, издав стук стекла о полированный камень.

Влада не успела понять, что он задумал.

Баринов поднял правую ногу. Подошва его тяжелого кожаного оксфорда «Brioni» опустилась точно на середину аппарата.

Мужчина медленно перенес весь свой центнеровый вес на правую пятку.

Раздался сухой, отвратительный хруст ломающегося стекла и пластика.

Стекло сенсорного дисплея лопнуло, превратившись в серую крошку. Матрица агонизировала фиолетовой вспышкой и ослепла навсегда. Корпус согнулся с противным металлическим скрежетом, и внутри что-то щелкнуло. Платы и модули памяти были раздавлены в пыль.

— Нет! — вскрикнула Влада, вцепившись обеими руками в расстегнутый ворот его рубашки. Ее пальцы коснулись горячей кожи его груди. — Что ты наделал?! Там... там были фотографии мамы! Архивы эскизов за три года! Все контакты! Ты животное!

— Прекрати истерику, — Баринов легко перехватил ее

запастья и прижал ее ладони к своей груди, прямо над мерно и тяжело бьющимся сердцем. Его горячие пальцы согревали ее похолодевшие пальцы. — Все твои фотоархивы, переписки и эскизы Сомов скопировал на защищенный сервер еще вчера днем, из резервной копии на твоём ноутбуке. Ни один байт памяти о родителях не пропал. Я уничтожил только твой неконтролируемый канал связи с внешним миром.

Он отпустил ее руки, достал из кармана брюк монолитный брусок из матового темно-серого титанового сплава и положил его на столик:

— Это терминал защищенной связи с военным шифрованием. В его телефонной книге ровно три контакта: мой прямой сотовый, номер Сомова и пульт дежурного поста службы безопасности. Никаких соцсетей. Никаких мессенджеров. Никаких звонков мажорам. Если тебе понадобится хоть что-то — от новых красок до вызова врача — ты нажимаешь зеленую клавишу и говоришь об этом мне.

Он сделал шаг назад, окидывая ее фигуру в серебристом платье долгим раздевающим взглядом, от которого у нее по спине снова побежали мурашки:

— Завтра ровно в девять утра сюда прибудет ведущая закройщица из миланского ателье «Santini». Она снимет мерки и предоставит образцы тканей. Твой новый гардероб будет соответствовать статусу наследницы холдинга Соколова, а не дешевой содержанки из третьесортного клуба.

Константин с неприкрытым отвращением скользнул

взглядом по кольчуге ее микро-платья:

— Это серебристое недоразумение снимешь и оставишь у порога. Сомов заберет его утром и сожжет в мусоросжигателе.

— Я не сниму его! — задыхаясь от ярости, выкрикнула Влада. — Это моя авторская работа! Мой собственный дизайн! Ты не посмеешь его сжечь!

Баринов замер в дверном проеме.

Он медленно, пугающе плавно обернулся через плечо. Его глаза потемнели до абсолютной бездны, а в низком голосе прозвучало первобытное обещание самца:

— Ты снимешь его сама, Владислава. Прямо сейчас. Потому что если ты этого не сделаешь... ровно через пять минут я вернусь в эту спальню и сорву его с тебя собственными руками. И поверь мне на слово: тебе очень не понравится, как далеко пойдет мой зверь, если я снова прикоснусь к твоему голому телу.

Влада застыла, стиснув губы. Она видела хищное напряжение в его широких плечах и знала: он не блефует. В воздухе между ними висело такое запредельное напряжение, что малейшая искра превратила бы спальню в пожар.

Константин шагнул в коридор.

Тяжелая дверь спальни закрылась. Снаружи раздался сухой щелчок электронной блокировки.

Замок запер ее.

Влада осталась одна в гигантской холодной спальне на

шестьдесят пятом этаже башни «Skyline». За панорамным стеклом безмолвно перемигивались миллионы огней мегаполиса, казавшегося отсюда далеким, чужим и недостижимым.

Она медленно опустилась на край огромной кровати, подтянула колени к груди и сжала шелковую подушку, пряча в нее пылающее лицо.

За стеной раздались тяжелые размеренные шаги Барина. Он прошел в свое крыло.

Влада закрыла глаза. Ее сердце все еще бешено колотилось о ребра, разгоняя по венам адреналин. А ее нижняя пухлая губа все еще предательски, мучительно горела огнем — ровно в том месте, где всего полчаса назад в салоне лимузина ее коснулся шершавый, обжигающий большой палец ее гранитного опекуна.

Глава 5

Первые лучи сентябрьского солнца пробились сквозь тончайшую дымку органзы на панорамных окнах и косыми золотыми полосами расчертили шелковые простыни оттенка топленого молока.

Владислава открыла глаза, жадно глотая сухой кондиционированный воздух.

Тело ломило глухой, тяжелой болью, словно накануне ее пропустили через камнедробильный пресс. В висках все еще отдавалось гулкое эхо ночной бури в клубе «Neon Ray»: раскатистые инфразвуковые басы, прошивавшие диафрагму, вонь разлитого джина и свистящий грохот двухсантиметрового зеркального панно, в которое Баринов со слепой яростью впечатал затылок Макара Летова. А следом — салон бронированного лимузина, терпкий дым «Cohiba» и обжигающая подушечка шершавого пальца на ее нижней губе, от воспоминания о которой внизу живота завязывался тугой пульсирующий узел.

Влада сбросила невесомое пуховое одеяло и села на краю огромной кровати king-size. Босые ступни утонули в густом ворсе шерстяного ковра.

Она повернула голову к мраморному туалетному столику. Серебристого микро-платья из стальной кольчуги, ее дипломного манифеста независимости, на месте не было. Ис-

чезли и изящные босоножки на шпильках. Полковник Сомов сработал с идеальной военной исполнительностью: наряд изъяли на рассвете. Влада вспомнила приказ о мусорожигателе и сжала край простыни.

На полированном каррарском мраморе лежал лишь один предмет.

Тяжелый брусок из матового темно-серого титанового сплава — защищенный моноблок правительственной связи с тремя закрытыми номерами. Золотая бирка на ошейнике породистой борзой.

— Не дожدهшься, Баринов, — процедила Влада сквозь зубы, поднимаясь на ноги.

Она решительно направилась к гардеробной нише. Раздвижные матовые панели открыли идеально пустые вешалки из полированного ясеня. Ни выцветших джинсов с протертыми коленями, ни любимых студенческих свитшотов, ни мягких кед — Сомов опечатал все привезенные из общежития коробки и убрал их в хранилища. Влада осталась посреди чужого холодного пространства абсолютно нагой, прикрытой лишь собственной гордостью.

Но покорно заворачиваться в махровую простыню она не собиралась ни секунды.

Взгляд девушки зацепился за узкую дверцу сервисной секции, куда выходил шлюз из частной прачечной. Влада потянула скрытую хромированную ручку. Внутри, на плечиках под чехлами из тонкого пергамента, висели выстиранные со-

рочки хозяина апартаментов.

Она сорвала чехол с первой же вешалки.

Мужская рубашка из тончайшего белого итальянского льна ручной работы. Плотная, но невероятно податливая ткань хранила въевшийся аромат Константина: терпкая кедровая смола, щекочущий ноздри черный перец, дорогой табак и морозный запах раскаленной мужской кожи.

Этот запах ударил в виски, заставив сердце подпрыгнуть к самому горлу.

Влада продела руки в широкие рукава. Холодное полотенно скользнуло по обнаженным плечам, соскам и пояснице, высекая по коже россыпь мелких мурашек. Плечевые швы сорочки безвольно повисли на середине ее предплечий. Накрахмаленный воротник дерзко оцарапал нежную линию шеи. Рукава пришлось небрежно подвернуть в три слоя, открыв тонкие запястья.

Подол едва прикрывал середину бедер, распахиваясь при каждом шаге и обнажая длинные загорелые ноги.

Влада подошла к ростовому зеркалу.

Яркий утренний свет за спиной превращал белый лен в невесомую паутину. На просвет отчетливо читался каждый изгиб ее молодого тела: высокий рельеф груди с напряженными темными сосками, изящный прогиб талии, крутой пережат бедер и узкая ложбинка живота. Нижнее белье под сорочкой отсутствовало начисто.

Она застегнула еще одну пуговицу, помедлила — и снова

расстегнула. Пусть сам объяснит, в чем ей спускаться к завтраку.

— Ты хотел лишить меня одежды, господин опекун? — прошептала она своему отражению с дерзкой усмешкой. — Любуйся.

Ступая босыми ногами по подогреваемому массиву светлого дуба, Влада толкнула дверь спальни. Замок щелкнул: ночную блокировку уже сняли. Влада сначала выглянула в коридор, проверяя, свободен ли проход.

Она ступила на консольную галерею второго яруса и легко пробежала вниз по парящим ступеням из закаленного стекла.

Кухня-гостиная встретила ее ослепительным потоком ультрамарина и золота. С высоты двести восьмидесяти метров утренняя Москва походила на грандиозную живую карту: зеркальная лента реки, мосты с бесконечными нитями автомобильных заторов и золотые купола вдалеке.

В воздухе висела стерильная тишина роскоши.

Влада прошла в кухонную зону, где царствовал полированный минимализм, и нашла знакомые рычаги кофемашины La Marzocco: такой же она пользовалась в мастерской академии.

Она сдвинула латунный рычаг.

Пространство разорвал густой рокот встроенных жерновов. Ароматные зерна гватемальской арабики обратились в бархатную пыль. Тяжелый металлический темпер с сухим щелчком утрамбовал кофейную таблетку. С шипением и клокотанием помпы из носика холдера в толстостенную чашку цвета антрацита полилась густая маслянистая струя черного эспresso. По кухне поплыл плотный дурман жареного фундука, горького шоколада и тростникового сахара.

Влада взяла горячую чашку обеими ладонями, впитывая спасительное тепло фарфора.

И в эту секунду за спиной раздался звук.

Чашка дрогнула у нее в руках: тяжелые шаги приближались по коридору. Влада повернула голову.

Дверь мастер-люкса была распахнута настежь.

В пространство кухни неслышной, пружинистой поход-

кой входил Константин Баринов.

На нем были темно-серые шерстяные брюки Brioni и застегнутый жилет в мелкую полоску, плотно обтягивающий широченную спину и мощную грудную клетку. Под жилетом белела сорочка, но ворот ее был нарочито расстегнут на три пуговицы, открывая рельефные ключицы и короткую темную поросль волос. Рукава сорочки были закатаны до середины предплечий, обнажая узловатые синие вены и застарелый белесый шрам у локтевого сгиба.

На его тяжелой гранитной челюсти темнела трехдневная щетина, а в серых свинцовых глазах плескалась холодная собранность хищника, не спавшего ни единой минуты.

На третьем шаге Баринов резко остановился.

Его взгляд намертво пригвоздило к фигуре девушки.

Влада стояла прямо против гигантского панорамного стекла. Утреннее солнце било ей в спину, превращая белоснежный лен его собственной сорочки в светящийся рентгеновский снимок. Ткань просвечивала до мельчайших анатомических деталей: рельеф высокой груди, капли кофейного пара на ключицах, темные кружки ареол, тонкая талия и длинные обнаженные ноги.

В воздухе пентхауса мгновенно сгустилось чудовищное давление.

Влада физически ощутила эту перемену. Желваки на скулах Барина вздулись каменными буграми, челюсти сжались с глухим скрежетом, а зрачки расширились, поглотив

радужку целиком. Его широкая грудь под жилетом вздымалась тяжело и прерывисто, словно после рукопашного боя на выживание.

Он узнал свою рубашку. И он увидел, что под ней нет ничего, кроме девичьей кожи.

— Соколова, — его голос прозвучал низко, хрипло, с угрожающей басовой вибрацией, от которой тихо звякнули бокалы на подвесной стойке.

Влада не шелохнулась. Напротив, ледяной адреналин вытеснил страх, уступив место пьянящему торжеству. Она медленно повернулась к нему всем корпусом, слегка отставив в сторону бедро и заставив подол сорочки приподняться еще выше:

— Доброе утро, Константин Викторович. Вы рано встали. Баринов не ответил.

Он сорвался с места.

Его движения были настолько стремительными и бесшумными, что Влада не успела даже моргнуть. Три исполинских шага — и он уже стоял перед ней.

Инстинкт самосохранения заставил девушку отшатнуться назад. Но бежать было некуда: через полшага ее поясница и бедра с глухим стуком уперлись в холодный монолит кухонного острова из полированного белого кварца.

Ловушка захлопнулась.

Баринов обрушил обе свои тяжелые ладони на кварцевую столешницу по бокам от ее бедер.

Он буквально запер ее в капкане своего исполинского тела.

Широченные плечи заслонили собой весь мир: солнце, панораму города, воздух. Владу накрыло концентрированной волной его жара: кедровая смола, ментол бритвенного лосьона, трубочный табак и раскаленный запах возбужденного мужчины. Расстояние между их лицами сократилось до десяти сантиметров.

Ее сердце колотилось в ребра с такой силой, что удары отдавались в горле. Но Влада заставила себя не опускать взгляда. Гордо вздернув подбородок, она посмотрела прямо в его пылающие яростью глаза и демонстративно протянула чашку с дымящимся кофе к его лицу:

— Ваш утренний эспрессо. Двойной, без сахара и сливок. Ровно так, как вы любите. Или вы боитесь принять его из моих рук, господин опекун?

В ее голосе звенел откровенный, чистый вызов.

Глаза Баринаова опасно сузились.

Он даже не взглянул на чашку.

Его правая рука оторвалась от кварца. Медленно, неумолимо, словно гидравлический захват, его пальцы сомкнулись на тонком запястье Влады.

Шершавая, мозолистая, обжигающе горячая ладонь прижала ее руку вместе с чашкой обратно к каменной поверхности острова.

От резкого толчка кофе плеснул через край. Темные об-

жигающие капли упали на белый кварц, расплываясь пятнами, а одна струйка сорвалась с доньшка и брызнула прямо на белый лен рубашки на бедре девушки, мгновенно пропитав ткань и оставив мокрое горячее пятно на коже.

Влада судорожно ахнула от неожиданности.

Баринов медленно подался вперед.

Его лицо опустилось так низко, что горячее дыхание обожгло обнаженную ключицу. Кончик его прямого носа скользнул по нежной яремной впадинке, жадно втягивая аромат ее нагретого тела, смешанный с запахом его собственного парфюма.

— Ты считаешь себя бессмертной, Владислава? — его баритон вибрировал у нее прямо под кожей, отдаваясь сладкой судорогой внизу живота. — Полагаешь, это забавная студенческая игра? Нацепить мою сорочку на голое тело, выставить соски перед окнами и встречать меня на кухне с чашкой кофе?

Его левая рука медленно поднялась к ее лицу.

Широкий, огрубевший от стрельбы большой палец Барина лег на ее шею. С мучительно давящей лаской он провел подушечкой снизу вверх — от впадины между ключицами вдоль сонной артерии, прижимая нежную кожу к хрящам гортани.

Владу прошило колоссальным электрическим током.

Дрожь пробежала от затылка до кончиков пальцев босых ног. Дыхание перехватило так спазматично, что в глазах по-

темнело. Ее тело предательски отозвалось на властное прикосновение: соски под тонким льном окончательно затвердели, натягивая ткань, а бедра невольно подались навстречу его телу.

Баринов ощутил эту реакцию мгновенно.

В глубине его зрачков полыхнула слепая, торжествующая тьма. Палец нажал на пульсирующую жилку чуть сильнее, заставив девушку запрокинуть голову.

Он приблизил губы к ее уху. Темная щетина оцарапала чувствительную мочку, а слова падали тяжелыми каплями свинца:

— Слушай меня очень внимательно, Соколова. В пределах своей спальни ты вольна ходить хоть в простыне, хоть совершенно голой. Но если ты еще раз посмеешь переступить порог в подобном виде... Если я увижу на тебе хоть один предмет своего гардероба...

Он сделал паузу, со свистом втягивая воздух сквозь сжатые зубы:

— Я сорву его с тебя собственными руками. Разорву этот лен от ворота до подола, перегну тебя через этот кварцевый стол и выпорю так, что ты неделю не сможешь сидеть. А затем возьму тебя прямо здесь, на глазах у всего города, наплевав на все клятвы твоему покойному отцу. Ты меня поняла, девочка?

Каждое слово жгло каленым железом.

Влада смотрела в его потемневшие глаза, чувствуя, как го-

рит кожа под его пальцами. Воздух звенел от запредельного напряжения.

Она с трудом сглотнула вязкую слюну и упрямо кивнула:
— Поняла.

Баринов разжал стальную хватку на ее запястье так же резко, как и схватил.

Не говоря ни слова, он перехватил чашку с остатками кофе, осушил ее одним жадным глотком и со звонким стуком опустил пустой фарфор на плиту.

Затем повернулся на каблуках и тяжелым чеканным шагом направился вглубь коридора — к своему кабинету.

Глава 6

Влада осталась стоять одна у кухонного острова.

Влада провела пальцем по мокрому кофейному пятну на рубашке и посмотрела на опустевшую чашку. Его шаги уже стихли, а отпустить край столешницы она смогла только через минуту.

Утром закройщица сняла мерки и ушла, оставив на столе образцы тканей. Ровно в четырнадцать ноль-ноль тишину пентхауса разрезал сухой перелив приватного видеодомофона.

Влада сидела на широком подоконнике гостиной, подтянув колени к груди и глядя в холодную синеву осеннего неба. На ней все еще оставалась та самая льняная рубашка Барина: после утренней вспышки у кухонного острова девушка демонстративно отказалась переодеваться в халат, сохраняя на себе его запах и высохшее темное пятно от пролитого кофе на бедре, словно боевой трофей.

Створки центрального лифта с мягким шипением разошлись.

В холл мерным армейским шагом вошел Григорий Сомов. За спиной начальника службы безопасности следовали четверо рослых парней в строгих костюмах и белых хлопковых перчатках. Они бережно несли массивные коробки из плотного матового картона, перевязанные широкими шелковы-

ми лентами, и два мобильных рейла в черных чехлах.

Пирамида коробок заполнила пространство холла. Золотое тиснение ослепляло: Chanel, Dior, Loro Piana, Max Mara, Brunello Cucinelli.

Сомов остановился в трех шагах, церемонно склонив седеющую голову:

— Добрый день, Владислава Викторовна. Персональная доставка из закрытых бутиков Третьяковского проезда. Гардероб сформирован ведущими стилистами по прямому распоряжению Константина Викторовича: базовая повседневная капсула, домашняя одежда, обувь и аксессуары на сезон.

Влада медленно спустила босые ноги на теплый дубовый паркет. Ее карие глаза с золотистыми искрами сощурились, губы скривились в саркастической усмешке:

— Базовая капсула? Какая трогательная забота о подопечной.

Она подошла к ближайшей башне коробок, на ходу запахнув полы сорочки. Курьеры дисциплинированно смотрели строго поверх ее полуобнаженных плеч.

Влада сорвала ленту с коробки Chanel, с хрустом откинула крышку и убрала слой папиросной бумаги.

Внутри лежала шерстяная юбка-карандаш мышиного серого цвета длиной строго до середины голени — глухая, тяжелая, абсолютно закрытая сзади. Под ней покоился кашемировый джемпер молочного оттенка с высоким воротником-хомутом, способным спрятать подбородок до самых губ.

Влада наугад вскрыла коробку Мах Мага: безупречный жакет оттенка асфальта, три глухие шелковые блузы с воротниками-стойками и пуговицами под самое горло, широкие шерстяные брюки со стрелками.

Каждая вещь стоила сотни тысяч рублей. Каждая ткань была шедевром ткацкого мастерства.

И каждая деталь кричала об одном: замуровать, стереть ее привлекательность, превратить молодую красивую девушку в монастырскую послушницу.

Ярость, копившаяся с утра, взметнулась в груди Влады раскаленной волной.

Она сгребла серый шерстяной джемпер обеими руками и с силой швырнула его обратно в коробку:

— Он издевается?! Григорий Ильич, вы думаете, я надену эти чехлы для броневикумов?!

Сомов удержал маску вежливой непроницаемости:

— Ткани высочайшего качества, Владислава Викторовна. Стопроцентный кашемир, натуральный шелк и шерсть мериноса. Константин Викторович лично утвердил каждую позицию, исходя из соображений элегантности, тепла и безопасности.

— Безопасности от чего?! — ее голос сорвался на звонкий крик, эхом ударивший о мрамор. — От его собственных глаз?! Передайте господину Баринуву, что я скорее буду ходить в одной этой рубашке до самого лета, чем напялю одежду для монахинь! Забирайте эти коробки и убирайтесь вон!

Курьеры испуганно переглянулись. Сомов лишь тяжело вздохнул:

— Приказы Константина Викторовича не обсуждаются. Вещи останутся здесь.

Он сделал знак рукой, и помощники молча покатали мобильные рейлы в сторону гардеробной гостевой спальни.

Влада уже собиралась уйти, хлопнув дверью, как вдруг ее взгляд упал на основание пирамиды.

Там, под стопками упаковок, стоял особый кофр: массивный, обтянутый глубоким черным бархатом, без единого фабричного лейбла или бирки.

Девушка замерла. Внутреннее чутье подсказало: здесь кроется нечто совсем иное.

Она опустилась на колени прямо на мрамор, отбросила пустые коробки и откинула тяжелую бархатную крышку.

Внутри, на подложке из темного атласа, покоился сверток.

Влада осторожно коснулась ткани кончиками пальцев.

Подушечки обожгло струящимся холодом. Это был натуральный шелк тяжелого плетения невероятного оттенка — глубокий, царственный цвет бирманского изумруда, темнеющий в складках до почти черной бездны и вспыхивающий зеленым огнем на сгибах.

Она подняла ткань вверх.

Шелк заструился тяжелым водопадом, раскрывая край платья.

У Влады перехватило дыхание.

Спереди наряд казался образцом строгости: глухой ворот-стойка, закрывающий яремную ямку, очерченная линия груди и длинные узкие рукава, доходящие до запястий. Но стоило развернуть платье, как наружу прорывалась его хищная сущность.

Спины у платья не было вовсе.

Глубокий вырез начинался от самой шеи и обрывался у самого крестца, обнажая весь позвоночник, лопатки и поясничные ямочки. Ткань удерживалась на теле лишь двумя тонкими перекрестными жгутами из плетеного шелкового шнура.

Из складок выпала карточка из хлопковой бумаги.

Влада подхватила ее. Черные чернила, резкий, размашистый почерк с глубоким нажимом пера:

«Для закрытого вечера в клубе „Олимп“. Ты будешь сопровождать меня. Наденешь это платье, и только его. Никаких споров и никаких истерик. К.Б.»

Сердце Влады забилося с утроенной силой.

«Олимп». Закрытый элитный клуб для высшей политической и финансовой знати, где завтра собирался весь столичный бомонд. И он лично выбрал для нее это платье.

Лицемер. Проклятый титан.

Утром он обещал сломать ее за расстегнутый лен сорочки, приказал одеть в монастырский кашемир, а сам заказал наряд, превращавший ее в смертоносное оружие искушения.

Сжав изумрудный шелк в охапку, Влада поднялась наверх, в спальню.

В гардеробной она сбросила рубашку Баринова. Прохладный воздух коснулся кожи. Влада шагнула в изумрудное платье, натягивая ткань снизу вверх.

Шелк скользнул по бедрам жидкой прохладой. Ткань легла идеально, с миллиметровой точностью обняв талию, приподняв грудь и плотно обтянув округлые ягодицы. Длинные рукава облепили руки второй кожей.

Влада повернулась спиной к тройному зеркалу и взглянула через плечо.

Вид был ошеломляющим.

Золотистая гладкая кожа ее спины, от седьмого позвонка до самого начала бедер, была полностью обнажена. Изумрудный шелк подчеркивал каждую линию мышц, хрупкость лопаток и глубокий изгиб поясницы. Она выглядела одновременно царственно, недостижимо и чувственно.

Влада распустила каштановые волосы, позволив густым волнам с медными искрами рассыпаться по плечам.

В тишине гардеробной раздался едва уловимый щелчок.

Влада замерла.

В центральном зеркале позади ее фигуры бесшумно открылась дверь.

На пороге стоял Константин Баринов.

Он вернулся раньше времени. В строгом темно-синем костюме, с кожаной папкой в левой руке, правая застыла на дверной ручке.

Баринов поднял глаза — и оцепенел.

Его взгляд врезался в отражение Влады в зеркале. Медленно, словно против собственной воли, его серые свинцовые зрачки скользнули по ее фигуре: от обнаженных плеч вниз по гладкой коже, вдоль позвоночника, задержались на опасной кромке выреза у самого крестца и опустились к бедрам, обтянутым изумрудной тканью.

Папка в его руке дрогнула и с глухим стуком упала на замшу оттоманки.

Баринов медленно шагнул вглубь гардеробной.

Звук его тяжелых размеренных шагов заставил воздух

звенеть от напряжения. Влада не повернулась. Она стояла неподвижно, глядя на его приближение сквозь стекло зеркала. Внутри все сжалось в пьянящем предвкушении.

Константин остановился прямо за ее спиной.

В зеркале его лицо оказалось совсем близко к ее плечу. Влада поймала его взгляд. Его мощная грудная клетка вздымалась так тяжело, что волны воздуха шевелили прядки волос на ее шее.

— Ты сама надела его, — произнес он хрипло, на грани слышимости.

— Ты сам прислал его мне, — ответила Влада, не опуская взгляда в зеркале. — Разве строгие опекуны выбирают подопечным платья с вырезом до ягодиц?

Баринов не ответил.

Его огромная тяжелая ладонь медленно поднялась и легла прямо на ее обнаженную лопатку.

Владу пронзил электрический разряд такой силы, что колени мгновенно ослабли. Кожа Баринова обжигала, словно раскаленный металл. Шершавые подушечки пальцев властно вдавились в нежное тело.

Затем его широкий большой палец оторвался от лопатки.

Медленно, с сокрушительным нажимом он провел подушечкой прямо по линии ее позвоночника.

Сверху вниз.

От седьмого шейного позвонка... через середину спины... вдоль поясничного прогиба... до самой кромки изумрудного

шелка у крестца.

Каждое нервное окончание Влады вспыхнуло диким пламенем. По телу прокатилась горячая судорога. Спина невольно выгнулась навстречу его руке, веки затрепетали, а с губ сорвался прерывистый сладкий стон.

Баринов замер, его пальцы сжались на ткани у ее бедра. Дыхание опалило ее затылок. В зеркале его глаза горели звериным голодом мужчины, балансирующего на самом краю пропасти.

Еще секунда — и он сомнет ее в объятиях, разорвав изумрудный шелк в клочья.

Но железная дисциплина победила и на этот раз.

Челюсти Баринова сжались до белизны. С глухим гортанным рычанием он резко оторвал руку от ее спины и отступил на полшага назад, разрывая контакт.

Сунув руку во внутренний карман клубного пиджака, он извлек кожаный бювар и небрежно бросил его на столик перед зеркалом:

— Это твое.

Влада судорожно вдохнула воздух, унимая дрожь в пальцах, и опустила взгляд на документ.

Это был официальный банковский ордер с синей гербовой печатью казначейства. Сумма: один миллион рублей. Назначение платежа: целевой грант на спецсчет Академии дизайна для финансирования персональной дипломной выставки студентки Владиславы Соколовой. Персональный зал в ис-

торическом особняке на Волхонке, лучшие европейские материалы, каталоги, свет.

Ее заветная мечта. Реальный шанс заявить о себе в профессиональном мире и обрести независимость.

У Влады перехватило дыхание:

— Ты... подписал смету? Без правок и сокращений?

Баринов стоял перед ней — вновь непроницаемый, застегнутый на все пуговицы титан, чье лицо превратилось в каменную маску:

— Я дал офицерское слово твоему отцу: вывести тебя в люди и дать профессию. Ты талантлива, Соколова. Твоя дипломная работа будет лучшей в этой стране. Никто не посмеет сказать, что наследница Соколова чего-то не умеет.

Он шагнул к выходу, но у самого проема обернулся через плечо.

Его серые глаза полоснули по ее обнаженной спине ледяным свинцом:

— Но за каждую победу платят цену. Завтра ровно в двенадцать ноль-ноль закрытый благотворительный вечер в клубе «Олимп». Ты будешь в этом платье стоять по правую руку от меня. Никаких самовольных отлучек. Никаких бесед с мажорами. Ты выглядишь смертоносно, Владислава. И город должен окончательно усвоить, кому ты принадлежишь.

Глава 7

Он вышел, оставив за собой запах морозного табака и шлейф сокрушительной власти.

Влада осталась стоять перед зеркалом. Ее щеки пылали огнем, а вдоль позвоночника все еще пульсировал раскаленный след его пальца.

Ночь накрыла столицу тяжелым бархатным пологом цвета спелой черники.

На часах в гостевой спальне мерцало бледно-зеленое: 03:15.

Владислава в десятый раз перевернулась на шелковых простынях, сбивая пуховую подушку кулаком. Сон не шел. Стоило прикрыть веки, как темнота взрывалась раскаленными образами: шершавый палец Баринова, чертящий линию по ее голому позвоночнику; его потемневшие глаза в тройном зеркале гардеробной; низкий хриплый голос, обещающий сломать ее бунт.

В комнате было душно. Кожа буквально горела от непрекращающегося внутреннего жара.

Она спустила ноги на пол.

На ней были лишь ультракороткие шорты из черного натурального шелка и невесомая майка на тончайших бретелях, едва доходившая до пупка. Босиком, стараясь не издавать ни звука, Влада подошла к двери. Бесшумный поворот

ручки — створка открылась без щелчка.

Ей нужен был стакан ледяной воды: сделать несколько глотков, умыть лицо и попытаться вычеркнуть образ опекуна из памяти.

Она неслышно спустилась по стеклянным ступеням в полутемную гостиную. Пространство утопало в индиговом сумраке, прорезаемом далекими сполохами неоновых вывесок Садового кольца.

Добравшись до кухонного острова, Влада наполнила хрустальный стакан ледяной водой и сделала несколько жадных глотков, остужая пересохшее горло.

И в эту секунду тишину разорвал звук.

Резкий, сухой металлический щелчок.

В глубине гостиной, у самого выхода на террасу, вспыхнул крошечный язычок пламени.

Влада замерла, зажав ладонью рот. Вода расплескалась из стакана, обжигая ступни каплями холода.

Огонек латунной зажигалки Zipro погас так же внезапно, как и родился. Но секунды хватило, чтобы выхватить из темноты исполинский мужской силуэт.

Одна из панорамных створок террасы была сдвинута в сторону. На высоте двухсот восьмидесяти метров гулял ледяной ночной ветер, шевеливший портьеры.

Там, прямо у прозрачного ограждения над бездной спящей Москвы, стоял Константин Баринов.

В домашних брюках, босиком на полированном граните

террасы, он казался чужим в собственном доме. Влада остановилась на пороге, впервые увидев его таким.

Его мощный торс цвета старой бронзы был полностью обнажен.

Рельефные грудные мышцы, стальные канаты косых мышц пресса, широченные покатые плечи атланта. В неровном свете ночного города на его левом плече отчетливо белел рваный шрам — уродливый зигзаг длиной в ладонь, след разбитого лобового стекла.

В правой руке Баринов держал массивный рокс. На дне хрусталя тускло поблескивал янтарный односолодовый скотч с подтаявшими кубиками льда.

Он не повернул головы, но его баритон прорезал свист ветра удивительно отчетливо:

— Не спится, маленькая?

Влада вздрогнула. Мысль развернуться и убежать в спальню уступила место непреодолимому притяжению.

Она поставила свой стакан на кухонный остров и медленно переступила порог террасы.

Морозный ночной воздух ударил в лицо, взметнув длинные волосы и прижав тонкий шелк майки к телу. Кожа покрылась мурашками от холода, но внутри все по-прежнему пылало пожаром.

Влада подошла ближе, остановившись в метре от него:

— Почему ты никогда не спишь, Константин? Сколько раз я видела тебя ночью — ты всегда на ногах. Всегда с виски или сигарой. Ты вообще человек?

Баринов сделал медленный глоток. Хрусталь тихо звякнул о лед.

Он повернулся к ней вполоборота. Серые свинцовые глаза во тьме казались черными провалами, отражавшими огни автострад:

— Сон — это привилегия тех, чья совесть чиста, Владислава. Или тех, кто ни за кого не отвечает.

— А твоя совесть нечиста? — дерзко спросила она, подходя еще на полшага.

Ветер трепал полы ее майки, обнажая полоску живота.

Расстояние между ними таяло.

Баринов оперся локтем о поручень ограждения, глядя вниз, на море огней:

— Четыре года назад. Минское шоссе, сороковой километр. Ноябрь, ледяной дождь со снегом. Мы возвращались с закрытого правительственного совещания. Я шел первым на своем седане, твой отец — следом на тяжелом рамном джипе.

Влада замерла. Сердце болезненно сжалось. В машине он рассказал только о клятве. Теперь Влада боялась пропустить хоть слово.

— Из-за поворота на нашу полосу вылетел многотонный лесовоз, — продолжал Константин глухим голосом. — Тормоза у фуры отказали, ее тащило боком по обледенелому асфальту. Удар приходился точно в водительскую дверь моей машины. Я не успевал сманеврировать.

Он замолчал, сжимая стакан так, что побелели костяшки пальцев.

— И что сделал отец? — тихо спросила Влада, чувствуя подступающие слезы.

— Виктор втопил педаль газа в пол, — жестко произнес Баринов. — Обошел меня по обочине и поставил свой двухтонный джип прямо под удар прицепа. Он принял удар на себя и увел лесовоз в кювет. Моя машина отделалась касательным ударом — вот этим самым шрамом на моем плече.

Константин повернулся к ней всем корпусом. Его могучая

обнаженная грудь тяжело вздымалась на ветру:

— Я вытаскивал его из горящей груды искореженного металла собственными руками. Ломал заклинившие двери, обдирая кожу до костей. Он умирал на моих коленях на мокром снегу, захлебываясь кровью. И пока его пальцы еще держали мою куртку, он взял с меня клятву.

Влада сделала шаг. Теперь их разделяло не больше ладони:

— Какую клятву?

— Сберечь тебя, — выдохнул он ей прямо в лицо. — Защитить единственную дочь. Не подпустить к тебе падальщиков и шакалов, которые разорвали бы активы Соколова на куски за считанные недели, а тебя пустили по рукам ради подписей на доверенностях. Он заставил меня поклясться, что я передам тебе все его наследство в целости. Я похоронил лучшего друга, Владислава. И поклялся его памятью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.